

ПРОБЛЕМА ДИАЛОГИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ЕЕ РЕШЕНИЕ В РОМАНЕ ЧУЛПАНА «НОЧЬ И ДЕНЬ»

Замира КАСЫМОВА

доктор филологических наук

Национальный университет

Узбекистана им. Мирзо Улугбека

zk67185@gmail.com

Принцип диалогичности сознания человека, впервые предложенный М.Бубером (3; 4) и впоследствии разработанный М. Бахтиным (2), вошел во многие художественные произведения первой трети XX века, в том числе и в роман А. Чулпана «Ночь и день» (1). Мы уже обращались к анализу внутреннего диалога главного героя романа в наших предыдущих работах (5). Однако при более внимательном прочтении произведения становится ясно, что А. Чулпан в своем романе предложил своеобразное, даже уникальное решение проблемы диалогичности человеческого сознания.

Прежде всего необходимо отметить, что писатель изображает своих героев в двух проявлениях: Я-активное и Я-рефлектирующее. Они в корне отличаются от всем привычных и контрастирующих друг с другом физического и духовного обликов человека. Я-активное находится в постоянном действии: оно реагирует на внешние раздражения, вступает в коммуникацию с окружающими людьми и миром, изучает их, совершает поступки, накапливает опыт. Я-рефлектирующее запряжено глубоко внутри личности и является тем кладезем, который хранит накапливаемый Я-активным опыт и его знания об окружающем мире. Я-рефлектирующее развивается в зависимости от приобретаемого Я-активным опыта, но оно обусловлено и зависимо от традиций и установок, на основе которых воспитывалась и формировалась та цельная личность, которая представляет собой сложное единство находящихся в постоянном контакте, обмене информацией, во взаимодействии, а значит, и в развитии данных субъектов человеческого сознания.

Интересно, что в романе Чулпана в зависимости от уровня развития личности, ее коммуникативных и деловых способностей тот или иной субъект бывает либо более, либо менее сильным. Так, мингбоши, у которого Я-активное выражено намного сильнее его Я-рефлектирующего, остается примитивным человеком, в то время как Мирякуб, у которого Я-рефлектирующее почти так же сильно, как и его Я-активное, переживает все возможные спектры взаимоотношений обоих его Я, что свидетельствует о довольно сложной организации его личности.

Рассмотрим особенности отражения процесса диалогичности в сознании мингбоши и постараемся понять причины примитивизма героя. Процесс взаимодействия между обозначенными выше формами человеческого сознания у мингбоши А. Чулпан представил на нескольких уровнях.

1. *Взаимодействие, не достигающее уровня речи.* Оно остается в зоне ощущений: понимание, признание, представление. Здесь оба Я человека соединяются в едином порыве и не хотят или не могут противоречить друг другу. Это очень личные переживания, которые не предназначены для посторонних, и потому они не переходят в речевую форму. Это моменты согласия героя с самими собой, когда обе стороны человеческого Я позволяют *быть* тем ощущениям, которые переживает цельная личность. Примером тому служит момент, когда мингбоши «наедине с собой» признает заслуги Мирякуба и роль последнего в его жизни. *«Акбарали мингбоши ўзи ёлғиз қолиб «виждони» билан қаршима-қарши келган вақтларида, Мирёқубнинг улуг хизматларини инсоф билан эсга олар, унга ҳар тўғрида миннатдор бўлганини ўз «виждони» олдидан иқроқ қиларди»* (1, 55). А также, когда после оправдательной статьи в газете герой начинает мечтать о признании его заслуг императором. *«У вақтда шаҳардаги ҳоким ва приступ тўралар Акбарали мингбошига «час» («чест») берадиган бўлади!»* (1, 91). Не важно, как далеко заводят фантазии Я-активное мингбоши, его Я-рефлектирующее не сопротивляется и герой пребывает в состоянии гармонии, которая настолько самодостаточна, что не нуждается в словесном выражении, а остается на уровне представлений – видений – фантазий, то есть воображения. А. Чулпан использует подходящие для этого выражения: «виждон»: *«мингбоши ўзи ёлғиз қолиб «виждони» билан қаршима-қарши келган вақтларида»* (1, 55), «хаёл»: *«шу хил ширин хаёлларга ботган мингбоши»* (1, 91).

2. *Внутренний монолог* – это состояние, когда Я-активное, или в данном случае мыслящий человек, активизируется настолько, что его точка зрения из сферы ощущений переходит в словесную форму, оформляется в мысленной речи. Это все еще не предназначенные для чужих слова, то, что обычно остается тайной, хранимой обоими субъектами личности человека. Здесь Я-рефлектирующее не позволяет Я-активному высказать слова вслух, и Я-активное смиренно соглашается. Сюда можно отнести такие «политические» мысли мингбоши, как: *«Оқ пошио менинг гапимга кирса, юрт берса берардики, тезроқ яраш қилиб одамларни тинчитарди. Аллақайлардаги юртларни деб бошини қазога тутадими киши»* (1, 119), или его очень личная мысль о Мирякубе: *«Шу топда унинг кўнглидан «Менинг кимим бор ундан бошқа», деган аламлик бир фикр ўтди. Мингбоши бу оғир суҳбатни ёпмоқчи эди, шу учун дарров сўзни бошқа томонга бурди: — Хўш, болалар келишдими?»* (1, 244). Как видно, А. Чулпан подчеркивает факт наличия горькой мысли («аламлик бир фикр») и

невозможность для нее быть высказанной («дарров сўзни бошқа томонга бурди»).

3. *Озвученный монолог.* Состояние, когда мысль, облеченная в слово, настолько сильна, что Я-рефлектирующее уже не в состоянии удержать Я-активное в рамках своих ограничений. Слова высказываются, или скорее вырываются из уст героя в момент его особенно сильной радости и восторга, когда А. Чулпан заставляет героя поделиться своей «тайной»: «*Шу ерда мингбоши шодлигидан бўлсамикин очилмоқчи ва кўнглидаги бир сирни Мирёқубга очмоқчи бўлди:*

— *Биласанми, Мирёқуб? Мен у қизга қиз деб, хотин деб талабгор бўлсам экан...*

Мирёқуб кўзларини кенг очди ва мингбошининг ёнига келиб ўтирди» (1, 121).

Однако впоследствии мы узнаем, что подобные слова могут быть высказаны героем и в момент потрясения из-за, например, окружающей его несправедливости. Так долго молчавший и смиренно слушавший наиба мингбоши вдруг «не выдержал»:

«Мингбоши чидаёлмади:

— *Тақсир тўра, мен ҳайронман: ҳалиги қамоққа олинадиганларда заррача гуноҳ йўқ-ку. Бу қандай бўлади? Агар ўзингиз ўша ерда бўлсангиз, иккала бойни отардингиз»* (1, 253). Подобные фразы еще не доросли до уровня диалога, поскольку они не ищут отклика, они и высказаны-то «на свой страх и риск», возможно, и без расчета на понимание, или именно потому, что уже возникло непонимание.

Однако важно, что, изображая своего героя, А. Чулпан подводит нас к мысли, что подобные всплески откровения для мингбоши достаточно редки, поскольку человек он простой. Его активная сторона не стремится к знаниям, к опыту, а значит, рефлектирующая сторона также не развивается. Он в жизни своей больше руководствуется инстинктами (не случайно А. Чулпан описывает безобразную манеру героя поглощать пищу. Даже будучи очень голодным, Мирякуб бежит, чтобы помыть руки, а мингбоши хватает манты грязными руками. Отсюда же и его пристрастие к алкоголю и «неразборчивость», которую он демонстрирует в публичных номерах).

Развитие Я-активного у мингбоши длилось недолго. Он добился власти. Потом как-то нашел Мирякуба, понял, что тот будет очень ему полезен, приблизил его, возложил на него все свои обязанности, особенно по решению тонких проблем, возникающих в его делах, и на том успокоился. Свою жизненную задачу герой видит в том, чтобы кричать на подчиненных, вымогать у них деньги, наказывать их. Личность мингбоши достаточно цельная: он не

обременяет свое сознание большой верой в бога, но ведь он и намаз не читает и алкоголь употребляет, то есть он не притворяется, будто бы он лучше, чем есть на самом деле. Казалось бы, герой совершенен в своей «безобразности». Однако его Я-рефлектирующее все же вносит свои коррективы в его поведение. Я-рефлектирующее мингбоши содержит такие установки, за грани которых он просто не в состоянии выйти. Выясняется, что мингбоши не стал бы закрывать школу джадидов, если бы наиб не приказал (установка: приказы по службе надо выполнять), что жены его ему не нужны, но отпускать их он не намерен (установка: люди будут смеяться), что служба ему давно опостылела, но все же он будет стремиться восстановиться на ней (установка: потеря авторитета – на радость врагам). Таким образом, Я-рефлектирующее героя оказывается сильнее в ситуациях, когда он пытается посмотреть на себя глазами других. Значит, несмотря на то, что мингбоши предстает как один из владык мира, на самом деле он пребывает в рабстве представлений и традиций общества, к которому принадлежит. То есть его Я-рефлектирующее не обогащено своим личным опытом, а больше состоит из окружающих героя представлений о правильном и неправильном поведении. Возможно, поэтому А. Чулпан неоднократно подчеркивает «детскость» героя. Например, он слушает Мирякуба, как ребенок сказку: *«Мингбоши Мирёқубнинг бу арзини, эртақ тинглаган ёш боладай, буюк бир завқ ва наиъа билан тингламоқда»* (1, 94). Даже первая его жена утверждает, что мингбоши – дитя, а Мирякуб как бы его мать: *«Сизга жавр бўлди, Мирёқуб! — деди. — Мингбоши додҳо худди бир гўдак бола; сиз — она... Сиз бўлмасангиз, очидан ўлади у киши...»* (1, 173).

При этом наиболее примечательным является факт того, что мингбоши сам не хочет «расти». Он устроился в своем удобном для него пространстве, у него есть своя определенная сеть отношений: с начальством, с подчиненными, с противниками, с женами, наконец. Но что самое удивительное: ни с кем из них мингбоши не вступает в диалог. Почти все его отношения односторонни: начальство он только слушает. Полноценного диалога здесь быть не может, потому что, чтобы по-настоящему понять наиба, мингбоши должен пересказать все его слова Мирякубу, чтобы тот разъяснил ему, что происходит. С подчиненными у мингбоши разговор короткий: он только доносит до них информацию. Все сопротивления (когда таковые возникают) или жалобы подчиненных на горькую их долю мингбоши привык пропускать мимо ушей. С противниками он воюет, никогда не вникая в суть их доводов и не задумываясь о том, что, возможно, и на их стороне правда, то есть опять перед нами факт отсутствия диалога. Ну а что касается его жен, то на них он только кричит, а если и сообщает им о чем-то, то быстро разворачивается и уходит, даже не дожидаясь ответа.

Особняком в этом ряду внешних контактов мингбоши находится Мирякуб, к которому тот совсем по-другому – доверительно – относится, даже порой восхищается его умом и изобретательностью, но и тут герой ничему не учится. Его диалоги с Мирякубом сводятся к тому, чтобы изложить ему проблему и потребовать ее решения. При этом он опять же не обременяет себя размышлениями: «Откуда мне знать? Ты решай!» (*«Ўзинг биласан! Мен қайдан билай!»* (1, 95)), «Найди какой-нибудь выход» (*«Ишқилиб, бир чора топмасанг бўлмайди»* (1, 89)). Видя в Мирякубе всего лишь одного из своих подчиненных, пусть даже и самого изобретательного, мингбоши не понимает ценности диалога с ним. Даже в конце романа, когда ему пришлось, наконец, самому посмотреть в глаза своим проблемам по службе, он жалеет не столько о том, что так и не научился решать их самостоятельно, сколько о том, что Мирякуб уехал путешествовать и оставил его здесь одного. Поднявшийся до высокого положения, на котором он держался так долго благодаря стараниям того же Мирякуба, мингбоши возомнил, что «дошел до степеней известных» и прекратил свои диалогические отношения с внешним миром, что привело к остановке его развития как личности. Таким образом, А. Чулпан подводит нас к выводу, что отсутствие диалога с внешним миром есть отсутствие личностного развития для человека, что, только вникая в происходящее, изучая изменяющийся мир, вступая в диалогические отношения с ним, человек способен остаться человеком и спастись от деградации.

Возможно, здесь же кроется и причина того, почему Зеби заняла такое особое место в сердце мингбоши: она заставила его *слушать*. Ее волшебный голос стал тем чудесным даром, который дошел до ушей мингбоши и, возможно, впервые за многие годы, проник к нему в душу. О том, что у героя когда-то была душа, помнит, по свидетельству А. Чулпана, первая жена мингбоши. Хотя это и звучит как сказка о золотом веке: когда-то давным-давно, когда он еще не был мингбоши и у него была только одна жена и дочь, так и оставшаяся единственной в жизни своего отца, тот все-таки был более человеческим (*«Бунингиз амалдор бўлгандан кейин айниди. Мингбошилиқ ёмон ҳовлиқтирди. Ўз қишлогини ташлаб, бу ерга кўчди. Бу катта ҳовлини сотиб олди. Мана бу катта иморатларни солдирди. Бог-роғ қилди, ер-сув кўнайтирди. Кўнгли бошқа савдоларга, ўзга кўйларга тушиди... Бола ҳам кўзига кўринмади, хотин ҳам. Ёнига "ҳайбаракаллачилар" киришиди. Хотин топадиган, маслаҳат берадиганлар кўнайишиди* (1, 45)).

Тем не менее, охарактеризовавший своего героя с таким тонким юмором А. Чулпан: *«Фарзанддан ва эсдан маҳрум, лекин ер-сув, пул ва бошқа бойликка кўмилган бу одамнинг»*, скорее всего продолжал симпатизировать этому несчастному, прожившему чужую – не свою – жизнь герою, потому что в

последнюю минуту его жизни подарил ему удивительный взгляд, брошенный им на Зеби: *«Кўзида икки-уч томчи йирик-йирик ёш кўринган эди. Ғалати, ювош, мулойим, беозор ва аянч назар билан Зебига қаради»* (1, 258). Этот взгляд, видимо, должен был отразить истинную душу потерявшегося между двумя своими несовершенными Я мингбоши, обнажив перед читателем его простое, доброе и не лишённое чувства прекрасного сердца.

И видимо, даже решение «убить» мингбоши назрело у А. Чулпана по той же причине. Мингбоши уже научился слушать (песни Зеби), оставшись на время без Мирякуба, он, даже «не выдержав», ворвался в диалог (его слова про невиновность людей из Кумарыка), он уже начал, пусть пока только себе, задавать вопросы (*«Бир нима бало, деди... Ҳа, ёш сартларга эргашманг, деди... Улар ёш турклардан ўрганган, деди. У нима дегани бўлсайкин... «Ёш сартлар»и нимаси?» «Ёш турклар»и нимаси? Нимани ўргатади улар? Билолмадим. Мирёқуб бўлсайди ковлаб топарди, бетавфиқ!* (1, 212)), то есть он уже почти дозрел до того состояния, когда должен был бы вновь начать свои диалогические отношения с миром. Но, возможно, в сознании А. Чулпана-автора не прорисовался соответствующий план для развития его непутевого героя. К тому же трагическая судьба Зеби должна была свершиться, и поэтому мингбоши погиб. А. Чулпан же воплотил свою теорию диалога для более высокого уровня сознания в образе другого героя – Мирякуба, и сделал это безупречно.

Осмысление решения проблемы диалогичности человеческого сознания в романе А. Чулпана свидетельствует о том, что, несмотря на то что жизнь писателя трагически оборвалась в первой половине XX века, он далеко опередил своих современников в понимании природы человека, что и отразил в своем романе, настолько далеко, что только теперь, спустя почти сто лет, мы постепенно, шаг за шагом, начинаем постигать все тонкости его миропонимания.

Использованная литература

1. Абдулхамид Чўлпон. Кеча ва кундуз (роман) // www.ziyouz.com kutubxonasi
2. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – 423 с.
3. Бубер М. Проблема человека. <https://www.rulit.me/books/problema-cheloveka-read-340500-1.html>
4. Бубер М. Я и ты. <http://www.klex.ru/nvh>